

doi 10.21672/1818-4936-2021-78-2-026-030

**ДЕСТРУКТИВИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ АБСУРДА
В РУССКОЙ ДРАМЕ АБСУРДА КОНЦА XX ВЕКА
(КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)**

Голованева Марина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, yarrow@inbox.ru

Предметом исследования в работе являются языковые и речевые средства создания абсурда. Они выявляются в рамках механизма деструктуризации в текстах русской драмы абсурда конца XX века. В итоге делается вывод о значительном коммуникативно-когнитивном потенциале речевых конструкций абсурда, участвующих в объективации авторского творческого сознания. Отмечены коммуникативные тактики автора, активные языковые средства: вставные слова и слова-нонсенсы, телеграфный стиль, рубленая проза, игнорирование знаков препинания, нагнетание профессионализмов и односоставных номинативных предложений, отсутствие анафорических и катафорических связей внутри высказывания. В процессе анализа используются приёмы авторского когнитивно-дискурсивного метода.

Ключевые слова: абсурд, деструктуризация, языковые средства, коммуникативно-когнитивный потенциал, коммуникативные тактики авторского сознания

**DESTRUKTURIZATION AS THE MECHANISM OF CREATION OF ABSURDITY
IN RUSSIAN DRAMA OF ABSURDITY OF THE END OF THE XX-TH CENTURY
(COMMUNICATIVELY-KOGNITIVE ASPECT)**

Golovaneva Marina A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., yarrow@inbox.ru

The subject of research in the work is the language and speech means of creating absurdity. They come to light within the framework of the destructuring mechanism in the texts of the Russian drama of the absurd at the end of the twentieth century. As a result, it is concluded that there is a significant communicative and cognitive potential of the speech constructions of the absurd, participating in the objectification of the author's creative consciousness. The author's communicative tactics, active linguistic means: inserted words and nonsense words, telegraphic style, chopped prose, ignoring punctuation marks, forcing professionalism and one-piece nominative sentences, the absence of anaphoric and cataphoric connections within the utterance are noted. The analysis uses the techniques of the author's cognitive-discursive method.

Keywords: absurdity, destructuring, language means, communicative-cognitive potential, communicative tactics of the author's consciousness

В русской драме абсурда конца XX века, отразившей объективную реальность эпохи социально-исторического слома, абсурд является главным изобразительно-выразительным средством. Эстетика, поэтика, язык абсурда способствуют «художественному выражению ощущения шока, возникшего при осознании полной бессмысленности прежних жизненных координат» [11, с. 39]. Среди механизмов его порождения: *десемантизация, депрагматизация и деструктуризация* [7] – последний занимает особое место вследствие возможностей образования с его помощью речевых феноменов, объективирующих наиболее репрезентативные когнитивные структуры, порождаемые социально-историческим контекстом автора.

Актуальность исследования вытекает из назревшей необходимости более пристального лингвистического внимания к художественной диалогической коммуникации (в данном случае – коммуникации «автор – читатель») в рамках коммуникативной и когнитивной парадигм, а также недостаточным количеством лингвистических работ о феномене абсурда в драматургическом тексте. Явление языкового и смыслового абсурда рассматривалось в глубоких работах А. Агеева [1], Ю.Д. Апресяна [2], Е. Бабаевой, Ф. Успенского [3], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [4], О. Бурениной [5], М.С. Гревцева [6], Г.С. Померанца [8], О.Л. Черноричко [10] и др. Однако нацеленность работы на выявление языковых и речевых средств создания абсурда в русской драме абсурда обусловлено недостаточностью подобных исследований.

Деструктуризация, отражающая процессы нарушения синтаксических связей, демонстрирует примеры игнорирования формальной связности – *когезии* (лат. ‘cohaesus’ – связанный – связанность текста, обнаруживаемая на поверхностном, формальном уровне [9, с. 247]) и семантической связности – *когерентности* (лат. ‘cohaerentia’ – связь – связность текста, обнаруживаемая на содержательном, смысловом уровне [9, с. 247]). При этом в драме абсурда выявляются следующие средства конструирования речевых аномалий.

Вставные слова в драматургических текстах В. Сорокина могут играть двоякую роль: в случае раннего распознавания их функции читателем они могут сознательно им исключаться (пропускаться) при чтении. При этом исходный текст (чаще заимствованный из периодики или из научной, научно-популярной литературы) остаётся неизменным, и задача читателя сводится только к определению его коммуникативно-когнитивной роли в контексте пьесы. В случае включения вставного слова в семантическую ткань текста оно приобретает и синтаксические характеристики. Так, в приведённом примере во всех предложениях слово-**нонсенс** *боро* выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения: **Пухов** (читает статью в газете). (1) *Это один из основных законов диалектики боро, объясняющий, как, каким образом происходит движение и развитие боро.* (2) *Закон констатирует, что накопление незаметных, постепенных количественных изменений боро в определённый для каждого процесса момент с необходимостью приводит к существенным, коренным, качественным изменениям боро, к скачкообразному переходу от старого качества боро к новому.* (3) *Этот закон имеет место во всех процессах развития природы боро, общества боро, мышления боро, и важен для понимания диалектической концепции развития боро и её отличия от всевозможных метафизических концепций боро, сводящих движение боро, развитие боро к одним количественным изменениям существующего боро, без уничтожения старого боро и возникновения нового боро. ...* (В. Сорокин «Землянка»)

В грамматическом отношении вставное слово трансформировало исходный текст без нарушения когезии. В семантическом отношении текст претерпел смещение тематического центра с точки объекта *диалектика* на объект *боро*. Слово-нонсенс *боро*, не имеющее лексического значения, а следовательно, не имеющее соотносённости звукового оформления с определёнными предметами, явлениями, понятиями объективного мира, лишено главного компонента – денотативно-сигнификативного. Коннотативный компонент также не поддаётся определению. Лингвистический и прагматический компоненты в некоторой степени определяются, именно поэтому слово воспринимается как некий субстантив с привносимой им в готовые синтаксические конструкции функцией дополнения. Однако прагматическая задача, стоящая перед автором, заключается в том, чтобы, сохранив когезию, нарушить когеренцию – лишить трансформированный текст способности быть до конца декодированным читателем. Абсурд, создаваемый функционированием вставных слов, словосочетаний и предложений, в разной степени «обесценивает» в семантическом плане исходный текст, однако всегда он призван, в интенции автора, *дискредитировать* стиль политизированных, идеологизированных советских текстов. Морально-этическая оценка текста при включении вставных слов в сферу его когнитивного освоения объективно снижается, благодаря проведению **тактики создания смеховой ситуации**, а следовательно, автором достигается главная прагматическая задача, стоящая перед ним, – *дискредитация культуры изображаемого общества*, то есть реализуется *стратегия дискредитации современного автору общества*.

Отсутствие когерентности при сохранении когезии наблюдается в драме абсурда и при тех условиях, когда вставных элементов нет, но привлекаемая лексика создаёт видимость смысловой адекватности при её фактическом отсутствии: **Человек в очках**. *Давай, давай... Иванов* (садится на стул, протягивает человеку в очках ногу). *Там они вырезку, по-моему, прошивали... геноссен... Человек в очках* (торопливо снимает с ноги Иванова шерстяной носок). *Всё будет, Лёвочка, всё будет. Я говорил тогда Кораблёвой, она не послушалась, стала самовольничать, Витька подержал... Всё, всё оттянется, только мех и дети...* (Сняв носок, вынимает из него несколько резинок, суёт в карман, а носок держит в руке.) **Иванов** (морщась, протягивает другую ногу.) *Ой. Так круглое, надломили жирное там... Человек в очках* (с готовностью стаскивает носок с ноги Иванова, роется в нём). *Так... так... Лев, а что... где? Иванов* (снимая кальсоны). *Я там сам доделал. Всё в норме. Человек в очках. Отлично.* (Подходит к шкафу, открывает его, достаёт чёрный дипломат, открывает, кладёт в него носки.) *Всё будет о'кей, Лев, всё. Только надо как можно*

побольше **оттянуть по механике, по детскому**. Всё будет хорошо. Я договорил-ся, так что вам нечего беспокоиться. Главное – **Витюша по густоте нормально**, так что беспокоиться нечего. (Подходит с чемоданчиком к Иванову, который, сняв кальсоны, снимает байковую рубаху.) (В. Сорокин «Пельмени»).

Выделенные лексемы, сочетания являются точками концентрации бессмысленного для читателя. Все они в контексте коммуникации персонажей представляются единицами профессионального жаргона, т.к. общее информационное поле диалога свидетельствует о совместном выполнении всеми персонажами какого-либо дела. Однако отсутствие возможных контекстных пояснений элементов жаргона и общее тематическое развитие текста пьесы таково, что подобные элементы множатся, не получая соответствующего трактования. Накапливание идентичных семантических анамалий выливается в итоге для читателя в ощутимую коммуникативно-когнитивную преграду. Невозможность адекватной когнитивной переработки информационного материала порождает в читателе когнитивный, эмоциональный и эстетический протест: вместе с нежеланием познания подобных драматургических текстов формируется стойкое неприятие соответствующего стиля, тематики, сюжета, что и является главной прагматической задачей автора. Подобные авторские усилия по **дискредитации отживающего строя** отразились и в пьесе «Доверие», аккумулирующей **аллюзийные** возможности уже в названии, соответствующем стилистике прокоммунистического искусства. Нагнетание **профессионализмов**, часто вымышленных, создаёт у читателя ощущение замкнутого когнитивного круга драматургического текста, не поддающегося декодированию: **Бобров**. Значит, давайте сразу о главном. Дело в том, что вчера в конце смены Андрей Денисович, так сказать, по личной инициативе сделал замеры допусков и расклина на северной. И получил, прямо скажем, плачевные результаты. Двадцать шесть и шестнадцать. Просто рёв и ползание... Так что сейчас надо срочно решить в отношении **выборки и шатунов**. **Викторова**. И по поводу закрытия. **Бобров**. Да, и по поводу закрытия, конечно. Чем мы будем закрывать, какой **итог по размороженной** – придётся решать не третьего, а теперь. **Есин**. Ну, если так дело обстоит, надо проверить б **вагранщиков**, да и по **опокам** тоже. **Фельдман**. Всё дело в **уровне расклина**. Я ещё в начале квартала предупреждал, что **разложенные полные нестандартные**. **Бобров**. Но они же были в пределе нормы? **Фельдман**. ... Но **провозка и кромки** очень сомнительные. Очень. Это Таганрог (В. Сорокин «Доверие»).

Грамматическая организация драматургического текста в драме абсурда претерпевает определённые изменения, в частности, в ремарках. Ремарка как самая статичная и традиционно мало изменяющаяся часть драмы оставалась неизменной дольше других её текстовых элементов. Однако экспериментирование авторов драмы абсурда в области её синтаксической природы породило следующие феномены деструктуризации.

В пьесе И. Вырыпаева «Сны» ремарки большей частью приобретают форму односоставных **номинативных предложений**: ДС ... Я боюсь мышей, если там мышь, я **обязательно выгоню её оттуда (Ирония, боль**. Садится на пол.); (**Смех, ложь, обида**. Садится на пол в дальнем углу.); (**Боль!** Сползает по стене на пол.). Далее могут следовать предложения с глагольным предикативным центром, но чаще авторское руководство к действию и актёрскому выражению эмоций ограничивается констатацией состояния персонажа в форме нераспространённых номинаций: (**Обида, презрение.**); (**Боль, тошнота, пустота.**); (**Смех и боль.**)

Деструктуризация в данном случае заключается в предельной усечённости предикативной единицы, в отсутствии таких синтаксических членов предложения, которые должны связать номинированное состояние с лицом, испытывающим это состояние. В эталонной ремарке, включающей в себя подлежащее-субъект, сказуемое и второстепенные члены, смысловому выдвигению подвергается действие, обозначенное глаголом. В ремарке, конструируемой в **телеграфном стиле**, имманентно ей не свойственном, смысловой центр образуется на существительных, семантически выделяющих состояние, которое, по замыслу автора, само должно диктовать формы его пластического воплощения на сцене. Специфика восприятия драматургического текста обуславливает в этом случае активизацию когнитивной деятельности читателя. В ситуации, когда в поле зрения драмы абсурда попадает жизнь маргинальных слоёв общества (например, как в приведённой пьесе И. Вырыпаева), **рубленая проза** ремарки стилистически соответствует изображаемой сфере наркоманов, алкоголиков, персонажей с отклонениями в развитии и психике. Так, когезийный и когерентный слом на месте контакта реплики и ремарки в следующем примере – характерный и органичный приём передачи работы «травмированного» сознания: ПЗ. ... Поэтому я не люблю

любовь. Я люблю готовить (хорошо и слёзы); а метаремарка в следующем фрагменте: ДС. ... и я поняла: Бог это и есть женщина, любить женщину, проникать в неё – это значит постигать Бога. Так что я это Бог, а мой живот потусторонний мир (между словами мир и жили нет знака препинания и нет паузы) жили, были дед и баба и была у них курочка ряба... (Все смеются, так как это был обман) (И. Вырыпаев «Сны») – является попыткой примирить нормальное сознание читателя с трудностями восприятия подобного языка.

Отсутствие анафорических и катафорических связей внутри реплики-высказывания как авторский приём служит той же цели: ДУ. *Раньше была луна красота, а теперь пусть будет музыка, или пила, или молоток. Меня тошнит. У меня коричневые слюны. ... У моей подруги был огромный живот, она была беременна. ...* (И. Вырыпаев «Сны»).

Нарушение когенентности наблюдается в драме абсурда и при осуществлении словесных повторов: ПК. *Вот если у вас в банке, в банке заведётся ядовитая змея – гадюка или кобра, вы же не будете туда руку засовывать, не будете, потому что она вас укусит и всё, и вы умрёте. Вот также и матери своей, матери своей вы же не будете обо всём рассказывать, она ведь не собирает вас понимать, она вас укусит и всё. А лучше мать в банке держать, и кормить через отверстие в крышечке. Тогда она никак не сможет освободиться, а вы будете свободны. Будете свободны. Будете свободны* (Холод, нет тепла); ДС. *Ничего нового... ничего нового... ничего нового... ничего нового...* (И. Вырыпаев «Сны»); **Кришна. Неплохо. Повторим? ... Полина. Реверс. Кришна. Неплохо. Повторим? Неплохо. Повторим? Неплохо. Повторим? Кришна. ... Чем ты занимаешься? Лёша. Я? Кришна. Ты. Полина. Реверс. Лёша. Я? Кришна. Ты. Лёша. Я? Кришна. Ты. Лёша. Я? Кришна. Ты. Лёша. Я? Кришна. Ты. Лёша. Я? Кришна. Учусь. Лёша. Реверс. Кришна. Учусь. Учусь. Учусь. Учусь. Учусь** (А. Шипенко «Археология»).

Неоправданные повторы слов, словосочетаний, предложений служат средством воспроизведения неполноценной речи человека, терпящего наркотическую, алкогольную зависимость или больного психически, что является проведением авторской **тактики погружения читателя в область безумного** (полного или временно расстроенного сознания).

Таким образом, механизм деструктуризации, обеспечивающий нарушения когезии и когерентности при создании абсурда автором драмы, привлекает к объективации его речемыслительных операций определённые языковые средства, способствующие проведению коммуникативно-когнитивных тактик создания смеховой ситуации и погружения читателя в область безумного. Следствием данных операций становится реализация авторской речевой стратегии дискредитации современного ему общества.

Список литературы

1. Агеев А. Приручение абсурда / А. Агеев // Новый мир. – 1991. – № 7. – С. 21–29.
2. Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды: в 2 т. – М.: Языки русской культуры, Наука, Восточная литература, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 598–621.
3. Бабаева Е. Грамматика абсурда и абсурд грамматики / Е. Бабаева, Ф. Успенский // Русский авангард в кругу европейской культуры: тезисы и материалы междунар. конф. (Москва, 4–7 янв. 1993 г.) – Научн. совет по истории мировой культуры РАН. – М.: Радикс, 1994. – С. 145–151.
4. Булыгина Т. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации / Т. Булыгина, А. Шмельёв // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 94–106.
5. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: сб. статей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 216–220.
6. Гревцев М. С. Феномен абсурда в драматургических текстах разноязычных культур: когниолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / М. С. Гревцев. – Ставрополь, 2007. – 203 с.
7. Кравченко О. В. Явления языкового абсурда в художественных текстах: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кравченко. – Таганрог, 2010. – 207 с.
8. Померанц Г. С. Язык абсурда / Г. С. Померанц // Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – С. 501–502.
9. Старичёнок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
10. Черноричская О. Л. Поэтика абсурда / О. Л. Черноричская. – Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 2001. – 87 с.

11. Шлейникова Е. Е. Драматургия О. А. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Шлейникова. – СПб., 2008. – 203 с.

References

1. Ageev A. Priruchenie absurd // Novyj mir, 1991, № 7, pp. 21–29.
2. Apresjan Ju. D. Jazykovaja anomalija i logicheskoe protivorechie Izbrannye trudy : in 2 vol. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, Nauka, Vostochnaja literatura, 1995. Vol. 2: Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija, pp. 598–621.
3. Babaeva E. Grammatika absurda i absurd grammatiki. Russkij avangard v krugu evropejskoj kul'tury: tezisy i materialy mezhdunar. konf. Nauchn. sovet po istorii mirovoj kul'tury RAN. Moscow, Radiks, 1994, pp. 145–151.
4. Bulygina T. Anomalii v tekste: problemy interpretacii. Logicheskij analiz jazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta. In-t jazykoznan. AN SSSR. Moscow, Nauka, 1990, pp. 94–106.
5. Burenina O. Chto takoe absurd, ili Po sledam Martina Jesslina. Absurd i vokrug: sb. statej. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, pp. 216–220.
6. Grevcev M. S. Fenomen absurda v dramaturgicheskikh tekstah raznojazychnyh kul'tur: kogniolingvisticheskij aspekt. Stavropol', 2007. 203 p.
7. Kravchenko O. V. Javlenija jazykovogo absurda v hudozhestvennyh tekstah. Taganrog, 2010. 207 p.
8. Pomeranc G. S. Jazyk absurda. Vyhod iz transa. Moscow, Jurist, 1995, pp. 501–502.
9. Starichjonok V. D. Bol'shoj lingvisticheskij slovar'. Rostov-on-Don, Feniks, 2008. 811 p.
10. Chernorickaja O. L. Pojetika absurda. Vologda, Vologda State Ped. In-te Publ., 2001. 87 p.
11. Shlejnikova E. E. Dramaturgija O. A. Bogaeva v kontekste russkoj dramy rubezha XX–XXI vekov. SPb., 2008. 203 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-78-2-030-035

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И СМЕШАННЫЕ ЗНАКИ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Евтушенко Оксана Александровна, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 28, ksenja22@yahoo.com

Шестакова Ольга Александровна, старший преподаватель, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 28, plyasun.ya@mail.ru

В данной статье рассматриваются невербальные и смешанные знаки как важные элементы лингвосемиотического пространства институционального дискурса (в частности педагогического) на примере вузов г. Волгограда. Было выявлено, что семиотическое пространство рассматриваемых учебных заведений богато всеми видами знаков, которые отражают институциональную природу учреждений, подчёркивают статусные роли участников педагогического дискурса. Научному осмыслению подвергались невербальные знаки: кинемы, знаки-иконы, знаки-символы, колоремы, символические артефакты, а также смешанные, где вербальный компонент сочетается с каким-либо другим (герб, гимн, ритуал). В результате исследования выявлено, что наиболее обширное лингвосемиотическое пространство принадлежит ВолгГМУ, ВолгГУ, ВолгГАУ, ВГАФК, ВГАПО, Волгоградской консерватории, довольно скудная система знаков – ВолгГТУ, ВГСПУ, ВГИИК.

Ключевые слова: институциональный дискурс, лингвосемиотическое пространство, смешанные знаки, невербальные знаки

NON-VERBAL AND MIXED SIGNS IN THE LINGUASEMIOTIC SPACE OF THE INSTITUTIONAL DISCOURSE

Evtushenko Oksana A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Volgograd State Technical University, 400005, Russia, Volgograd, 28 Lenin ave., ksenja22@yahoo.com

Shestakova Olga A., Senior Teacher, Volgograd State Technical University, 400005, Russia, Volgograd, 28 Lenin ave., plyasun.ya@mail.ru

This article analyses non-verbal and mixed signs as important elements of the linguasemiotic space of the institutional discourse (pedagogical in particular) on the example of